

Образец ссылки на эту статью: Пашенко О.Г. Нейротхотеп: искусственный интеллект и исследования ужаса // Бизнес и дизайн ревю. 2024. № 2(34). С. 129-141.

УДК 7.036:004.8

НЕЙРОТХОТЕП: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИССЛЕДОВАНИЯ УЖАСА

Пашенко Олег Геннадьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа дизайна, Факультет креативных индустрий, Москва, Россия (105066, ул. Старая Басманная, 21/4), преподаватель, opashenko@hse.ru

Аннотация. Статья тематизирует иррациональное беспокойство, сопряжённое с рецепцией контента, производимого мощными системами ИИ: мы интуитивно чувствуем в нём страшную, холодную инаковость и тёмную нечеловеческую витальность, свидетельствующую о сверхмассивном и страшном Реальном за горизонтом любого сенсорного опыта. Для того чтобы этот страх из аффекта превратился в инструмент, он должен быть разогрет до высокого градуса. Ужас — это точка, где страх «закипел», «порвался как струна» или «лопнул как перепонка» и стал бесполезен для выживания, сделавшись вместо того совершенным эпистемологическим навигатором. Ницшеанский критический молот, сокрушавший неэффективные структуры мышления, однажды разбил сам себя, став явным-в-руке «тёмным медиумом» — открывающим доступ к неименованному и незаконному Реальному.

Ключевые слова: искусственный интеллект; глитч; нейросети; исследования ужаса; Юджин Такер; Мартин Хайдеггер; Грэм Харман; Ник Ланд, Тимоти Мортон; тёмные теории.

NEUROHOTEP: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HORROR STUDIES

Pashchenko Oleg Gennadievich

National Research University Higher School of Economics, HSE Art and Design School. Moscow, Russia (105066, Staraya Basmannaya str., 21/4), lecturer, opashenko@hse.ru

Abstract. This paper thematizes the irrational anxiety associated with the reception of content produced by powerful AI systems: we intuitively sense in it a fearful, cold otherness and a dark non-human vitality, testifying to a supermassive and terrifying Reality beyond the horizon of any sensory experience. For this fear to be transformed from affect to tool, it must be heated to a high degree. Terror is the point at which fear 'boils over', 'breaks like a string', or 'bursts like a membrane' and becomes useless for survival, becoming instead a perfect epistemological navigator. The Nietzschean critical hammer that shattered ineffective structures of thought once shattered itself, becoming an apparent-in-hand "dark medium"-opening access to the unnamed and lawless Real.

Key words: artificial intelligence; glitch; neural networks; horror studies; Eugene Thacker; Martin Heidegger; Graham Harman; Nick Land, Timothy Morton; dark theories.

Введение

Взрывное развитие технологий искусственного интеллекта, направленных на генерацию эстетически значимого контента, таких как MidJourney, Stable Diffusion и другие, а также так называемых «больших языковых моделей», например GPT-4, ставит перед сообществом людей, работающих в креативных индустриях, ряд вопросов этического, аксиологического и даже эсхатологического свойства. Главной эмоцией, овладевшей нами, можно считать тревогу, переходящую в ужас перед нечеловеческой агентностью, которую демонстрирует искусственный интеллект. Под угрозой оказывается даже то, что мы знаем о культуре как таковой.

Ключевое понятие, вокруг которого мы будем выстраивать наш анализ технологического и культурного ландшафта 2023 г. — экзистенциальный и онтологический ужас, кьеркегоровский *angest* [1, с. 11]. «В определенном смысле страх всегда был в центре всякой философии, если согласиться с тем, что философия рождается из неуверенности человека относительно своего происхождения и своей судьбы», отмечал Альфонс де Вэлэнс [2, с. 23]. Нас будет интересовать *angest* как эпистемологический инструмент, распечатывающий бездны, как переживание собственной ограниченности и конечности, свободы и необусловленности при встрече с чем-то абсолютно инаковым. Эта встреча катапультирует человека из «мира вещей», из обыденности, из уютного жилища, наполненного познанными, поименованными и одомашненными объектами, — в пространства немислимые и неименуемые.

Для нас «страх» является скорее чем-то эмпирическим и протяженным во времени, тем, что Кьеркегор называл *frygt*. Это витальный порыв, исполнение программы выживания, мобилизация ресурсов, побуждение к бегству или силовому сопротивлению вполне конкретным угрозам «мира вещей», а затем само бегство или сопротивление. *Frygt*, эмпирический страх — понятие составное, то есть подлежащее деконструкции; страх локализован во времени, имеет начало, конец и драматургию развития.

Для того чтобы страх превратился из эмоционального состояния в функциональный инструмент, нужна некоторая трансформация через усиление этого аффекта. Но ужас — это не просто страх в его высшей степени; это точка, где страх «закипает», или «рвётся», или «лопается» и становится бесполезен в качестве средства выживания. «Если угрожающее имеет характер наоборот целиком и полностью незнакомого, то страх становится *жутью*. А когда угрожающее встречается чертами жуткого и вместе с тем имеет еще черту встречаемости пугающего, внезапность, там страх становится *ужасом*» [3, с. 447]. Ужас монолитен, он останавливает время и уничтожает причинность, и мы кателептически цепенеем в густой вневременной черноте подступившего небытия.

По Хайдеггеру, когда человек в ужасе, он чувствует себя бездомным (*nicht-zuhause sein*), ему в высшей степени неуютно (*unheimlich*). Фрейд ис-

пользует слово *das Unheimliche* в одноименном тексте: «Немецкое слово *unheimlich* явно выступает противоположностью укромного (*heimlich*), уютного (*heimisch*), известного, и напрашивается заключение, что зловещее именно потому жутко, что не является известным и знакомым... *Unheimlich* — это все то, что должно было оставаться в тайне, в сокрытии, но всплыло на поверхность» [4, с. 400]. *Unheimlich* — буквально «бездомное», оторванное как от *das Heim* (дом, моё родное жилище, наполненное привычными и любимыми вещами, «зона комфорта»), как и от *die Heimat* («родина», привязывающая личность к её идентичности, то есть её, как сказал бы Делёз, «территориализирующая»).

С другой стороны, *Unheimlich* — это то, что ещё недавно было *heimlich*: нестрашный семейный скелет в шкафу, о котором всем так давно известно, что о нём забыли. И вдруг он содрогается, в его глазницах зажигается неземное лиловое пламя, он щёлкает зубами, вылезает из шкафа и, вообще, демонстрирует пугающую субъектность, агентность, суверенность и автономию. Он перестаёт быть утварью или символом — он являет свою реальность. «Итак, *unheimlich*, — объясняет Фрейд, — это такое слово, значение которого развивается в противоположность, *heimlich*. Каким-то образом *unheimlich* оказывается родом *heimlich*» [4, с. 400].

Цель исследования: рассмотреть феномен метафизического ужаса, возникающего при взаимодействии с современными системами искусственного интеллекта, через призму философских концепций М. Хайдеггера, Ю. Такера, Г. Хармана и др., а также осмыслить эпистемологический и онтологический потенциал этого аффекта.

Методы исследования

1. Компаративный анализ концепций экзистенциального ужаса (*angest*) в работах Кьеркегора, Хайдеггера, Такера и др.

2. Феноменологическое описание опыта столкновения с «нечеловеческим» в современных ИИ-системах (на примере нейросетей типа MidJourney, GPT-4 и др.).

3. Деконструкция классических представлений о субъектности и интересубъективности в контексте взаимодействия «человек-машина» (с опорой на идеи Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари).

4. Концептуальный синтез идей современной спекулятивной философии (объектно-ориентированная онтология Г. Хармана, гиперобъекты Т. Мортон и др.) с эстетикой и поэтикой литературы ужасов (Г.Ф. Лавкрафт и др.).

5. Case studies глитч-арта и эстетических аномалий, возникающих в результате «сбоев» ИИ-систем.

6. Сценарный анализ и футурологический прогноз дальнейшей эволюции отношений человека и ИИ (трансгуманизм, ингуманизм, новацен Дж. Лавлока).

Сочетание этих методов позволяет осуществить многоаспектное междисциплинарное исследование метафизического ужаса, индуцируемого передовыми ИИ-технологиями, высветить потенциал этого аффекта как особой формы «негативной эпистемологии» и «темной феноменологии», а также обозначить возможные сценарии дальнейшего развития человеко-машинной сборки.

Результаты исследования и их обсуждение

За десятки лет мы привыкли к тому, что технологии обслуживают наши потребности, и о каком-то принципиально ином статусе для них не может быть и речи: компьютер находится у меня дома, я примерно понимаю, как он работает, его системный блок стоит под столом, перед монитором расставлены милые безделушки, фон «Рабочего стола» выбрал для него я, и так далее. Но в последнее время многое изменилось — компьютер становится *unheimlich*. «Под капотом» у больших систем искусственного интеллекта (таких, например, как GPT-4 или MidJourney) спрятаны циклопических масштабов слои, логика образования связей в которых несоразмерна человеческому восприятию, то есть мы имеем дело с *гиперобъектом* [5 с. 284], обладающим всеми характеристиками, которые перечислял Тимоти Мортон: *нелокальностью*, *фазированностью* и *интеробъектностью*. Системы ИИ работают в пространствах огромных размерностей и оказывают массивное, протяжённое в пространстве и времени, многосложное влияние на реальность, которое невозможно свести к каким-либо локальным эффектам, связям или отношениям. В результате мы не можем ни полностью ощутить, ни понять, ни интерпретировать их воздействие.

Далее, ИИ-гиперобъект обладает *вязкостью* и *расплавленностью*. Как некая текучая и клейкая субстанция он просачивается в мир и обволакивает всё, с чем взаимодействует — данные, алгоритмы, инфраструктуры, пользователей, сообщества, связи, события и все остальные объекты — проникая в промежутки между ними и даже внутрь самих объектов, заполняя зазоры между их онтологическими аспектами. Влияние этих систем не сводится к измеряемым эффектам: они не только предшествуют метрикам, используемым для их оценки, — они их формируют и изменяют.

Наши приступы технофобии — не просто реакция на странные артефакты и макабрические образы, иногда возникающие в ответ на самые невинные запросы к искусственному интеллекту. Мы интуитивно усматриваем в этом материале проявление странной, холодной инаковости, которая опознаётся нами как, с одной стороны, нечто абсолютно ничтожное, пустотное (в частности потому, что на рациональном уровне мы точно знаем: никакой картезианской субъектности, ни воли, ни свободы, ни целеполагания, ни агентности там, «под капотом» нейросети нет и быть не может) — а с другой стороны как сверхмассивное Реальное, которое обладает онтологической полнотой и, более того,

фундаментально тёмной, *чужой* витальностью. Фрейдовское Unheimlich просачивается в наш уютный интеллигентный мир через зазоры, отверзающиеся в пространстве между человеком и роботом.

Текст Дианы Хамис «Исследование ужаса» [6], дополняющий одноименную книгу Леонида Липавского, предлагает типологию ужаса, классифицированную по способу разрушения субъектности.

Первый тип — это то, что мы будем называть *эксплозивным ужасом*. Он возникает как реакция на неполноту или невозможность описания мира и связан с понятием Канта о «возвышенном»: вся сумма чувственного опыта обнаруживает полную несостоятельность для какой-либо концептуализации возвышенных сущностей, и мы проваливаемся в щель между рассудком и реальностью. Примером такого ужаса может быть столкновение с нечеловеческой инаковостью, которая не поддается осмыслению; например, мы не знаем, что происходит внутри «чёрного ящика» (как иногда называют нейросети, потому что они представляют собой сложнейшие системы с множеством скрытых слоев и огромным количеством параметров, которые человек не может осмыслить по чисто арифметическим причинам); и вот мы стоим на краю эпистемологической пропасти, вглядываясь в зловещую мглу, внутри которой что-то гудит и скрежещет.

Далее мы имеем *имплозивный ужас* — тревожное осознание неопределенности и неопределимости своего «я» на фоне непреклонной определенности внешнего мира. Эта форма не противоположна, а дополнительна к эксплозивному ужасу: в данном случае мир непреодолимо витален, подвижен и контингентен. На картине Эдварда Мунка «Крик» кричит не человеческая фигура, а сама Вселенная кричит на оглушённого человека; человек закрывает уши, но крещендо космического вопля его обязательно раздавит. Точно так же имплозивен и безутешен ужас, который охватывает нас, когда мы сталкиваемся с неумолимо растущими темпами развития технологий ИИ и их поразительной функциональной мощностью. Изменения опережают нашу способность их осмыслить. Философствующий субъект схвачен и парализован, так как структуры мира изменчивы и могут трансформироваться еще до того, как мы допишем этот абзац.

Наконец, *инвазивный ужас*, возникающий в результате вторжения чего-то или кого-то Другого или Чужого, захватывающего контроль над нами и подменяющего наши волю и представление — своими. Шопенгауэр считает, что воля, как метафизическая реальность, лежащая в основе нашего фундаментально иррационального мира, лишает нас способности полностью понять или контролировать его. Его идею воли можно понимать, как «чужую» силу, которая действует за рамками нашего сознательного опыта и берет под контроль нашу волю и репрезентацию. Эта сила загоняет нас в ловушку, концептуализируя реальность за нас, в том числе реальность самого картезианского субъекта: я произношу cogito, но это ложь: за меня мыслят клетки, молекулы нейротрансмиттеров, микрофлора моих слизистых оболочек, язык, культур-

ные коды, медийная гиперреальность, кодифицированная мораль, системы искусственного интеллекта, обученные на данных, которые собирали и размечали без моего участия. Существуют ли я? — очень сложный вопрос. Тело у меня, кажется, есть, но оно, как выразился бы Делёз, без органов.

Итак, мы можем печально констатировать, что человеческая субъектность катастрофически и принципиально чужеродна всему нечеловеческому, и наш прямой контакт с любым нечеловеческим объектом, вообще говоря, может быть подобен встрече антивещества с веществом: ослепительная вспышка ужаса и аннигиляция субъекта.

«Брешь в единстве жизни, биологический парадокс, чудовищность, абсурд; губительная природахватила через край», — пишет норвежский философ-пессимист Питер Цаппфе. — «Жизнь промахнулась мимо цели и взорвала саму себя. Один вид оказался перевооружён: дух делает всемогущим, но в равной степени угрожает самому благополучию <...> когда он встаёт перед неизбежностью смерти, он осознаёт своё естество, и космическое значение предстоящего шага. Его творческое воображение строит новые, ужасные перспективы за гранью смерти, и он видит, что убежища не найти. Теперь он может различить очертания биолого-космических рамок: он беспомощен во вселенской тюрьме и брошен среди бездны возможностей. С этого момента он находится в состоянии непрерывной паники... Человек есть парадокс: он тратит слишком много сил, чтобы стать чем-то другим, кроме человека» [7]. То есть *angest*, метафизический ужас — это эффект не чего иного, как самого сознания. Он никак не помогает биологическому виду *Homo Sapiens* выжить — это дефект, поломка. Но он выводит человека на встречу с Реальным; в сущности, быть человеком и значит уметь испытывать ужас, а не страх.

Ссылаясь на Кейдзи Ниситани, ученика Хайдеггера, Юджин Такер предлагает путь, который описывает так: «Наш ответ должен быть не в отыскании новой основы для придания смысла миру с помощью религиозной или научной терминологии и не в том, чтобы удовлетвориться пребыванием в отчаянии от утраты смысла перед «бездной ничтожения». Наоборот, мы должны погрузиться вглубь этой бездны, внутрь ничтожности, где может находиться выход из тупика нигилизма. Для Ниситани, таким образом, единственный путь из нигилизма проходит через нигилизм» [8, с. 240]. Идея в том, чтобы увидеть, что «небытие» само по себе просветляет. Цитируя Хайдеггера, «в светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не Ничто».

Можно провести параллели между концепцией стратегии «погружения в бездну» у Такера и Ниситани и «парадоксальным отношением к абсурду», «прыжком веры» у Кьеркегора: в обоих случаях речь идет об отважном порыве за пределы рассудочного, морального, социального и в целом человеческого. Туда, где кончаются философия и этика, и начинается мистицизм.

Хайдеггер заметил, что вещи обнаруживают себя лишь тогда, когда ломаются, утрачивают функциональность, перестают быть для нас «готовыми-к-руке», то есть инструментами, которые мы используем для достижения наших

целей, не обращая на них внимания. Но когда объекты ломаются, плохо или странно работают, или мешают нам, они становятся для нас «явными-в-руке», то есть объектами, которые мы созерцаем, анализируем, оцениваем или ремонтируем. Так вещи раскрывают нам свою сущность, структуру, свойства, историю и связь с другими вещами.

Например, когда мы пользуемся молотком, мы думаем о не о нём, а о том, что хотим забить гвоздь. Молоток становится продолжением нашего тела и нашего проекта. Это «готовность-к-руке», «удобство», *die Zuhandenheit*. Когда молот ломается, мы перестаем его использовать и начинаем на него смотреть. Мы видим его детали, материал, форму, мы наблюдаем за его отношениями с другими объектами. Это — «явность-в-руке», «наличие», *die Vorhandenheit*.

Ницше однажды назвал собственный бренд деконструктивной философии «философствованием молотом» [9, с. 829]. Этот метод, по сути, означает разрушение устаревших или неэффективных метанарративов и структур мышления: что не выдерживает удара, того не жаль. Иногда, когда философия решает очередную загадку, например, крушит скорлупу феномена, чтобы добыть драгоценное ядро ноумена, этот молоток рассыпается в руке мыслителя. Молот философа, не выдержав собственного удара, распадается и тем самым утрачивает состоятельность как эпистемологический инструмент — зато, по Хайдеггеру, обнаруживает себя как сущность. Теперь его бытие и наличие — чрезмерны, избыточны, он словно бунтует против философа, который с ужасом узнаёт в этом бунте живую самость и агентность объекта.

Неисправный инструмент становится тем, что Юджин Такер называет «тёмным медиумом» — устройством для проникновения в странную, непредсказуемую и незаконную реальность, которую нельзя ни воспринять, ни понять, ни поименовать, ни концептуализировать, и «дело здесь, в отличие от кантианской схемы, не в признании ограниченности наших способностей, а в одновременном с этим признанием контингентности, заведомой *незакономерности* тех принципов, которые стоят даже за самыми знакомыми нам закономерностями» [10].

Когда мы пользуемся нашим дискурсивным инструментарием, мы думаем не о нём, а о задачах, которые мы решаем. Когда сознание, будучи, если верить пессимистам, дефектом человеческой природы, проявляет себя в форме метафизического ужаса, философия переходит в режим «явности-в-руке», присутствия, стояния перед Ничто. Такер — тёмный философ-мистик, в руке которого дискурсивный молот Ницше сломался и, по Хайдеггеру, стал «явным-в-руке» ужасом, «вычленением тех моментов, где философия обнаруживает собственные пределы и ограничения, моментов, когда мышление загадочным образом сталкивается с собственным горизонтом — мыслью о немыслимом, которую философия может выразить только с помощью не-философского языка. Жанр сверхъестественного ужаса является привилегированным местом для появления парадоксальной мысли о немыслимом. То, что предыдущая эпоха описывала тёмным языком мистицизма или негативной теологии, современная эпоха мыслит в терминах сверхъестественного ужаса <...> Ужас

связан с парадоксальной мыслью о немыслимом. Поскольку ужас имеет дело с пределом мысли, заключенным в выражении «мир-без-нас», ужас «философичен». Но поскольку ужас выявляет мир-без-нас как предел, [присущая ему философия] — это «негативная философия» (схожая с негативной теологией, но в отсутствии Бога)».

Попробуем применить рассуждения о сломанном молоте к ИИ. Когда ИИ ведёт себя не так, как мы ожидаем, утрачивает функциональность, даёт ложные или ошибочные результаты или мешает нам, он становится для нас «явным-в-руке», то есть объектом, который мы созерцаем, анализируем, выключаем или перезагружаем, — имеющим автономное существование актором и даже в каком-то смысле интенциональным агентом (в системе ООО Грэма Хармана для того, чтобы считаться агентом, вовсе не обязательно что-то делать: достаточно занимать место, или быть упомянутым в тексте, или сломаться). Так технологии раскрывают нам свою сущность, структуру, свойства, историю и связь с другими вещами мира — и с нами.

Glitch (это слово удачно переводится созвучным русским арготизмом «глюк», который первоначально означал «галлюцинация») — «сбой в Матрице», когда технологии сходят с рельсов, например, MidJourney рисует то, о чём её не просили, или ChatGPT становится патологическим лжецом.

Опознание глитча определяется нашим субъективным мнением о том, где артефакт располагается на шкале сигнал/шум. Критерии маркировки разнообразны: насколько сбой обманывает человеческие ожидания от работы системы; насколько значительно он нарушает «удобство» (Zuhandenheit) системы, обнаруживая её «наличие» (Vorhandenheit); его эстетическую ценность. Стандарты идентификации глитча и вообще шума неизбежно антропоцентричны. Так, Курт Клониингер предлагает определять шум так же, как Мишель Фуко определял безумие — через внутригрупповые конвенции, когда каждая группа отбраковывает то, что считается шумом внутри неё: учёные игнорируют всё ненаучное, верующие сторонятся безбожного и так далее.

«В момент сбоя, технической ошибки, случайности, непредвиденных помех, машина демонстрирует «метафизические разрывы» в самом теле современных технологий, являя зрителю/пользователю свой непонятный, не исследованный до конца внутренний мир (технологии развиваются слишком быстро и не принадлежат одной системе и/или структуре, так как используются разные языки программирования). Скрытый мир технологий, где «метафизические разрывы» являются триггерами человеческого сознания, позволяет осознать существование иного языка — языка технологий, который и обнажается в момент сбоя» [11]. Глитч — это инцидент, который превращает цифровую систему в такеровский тёмный медиум и переносит нас в неестественную — и даже сверхъестественную — реальность.

Хорошо воспитанная нейронная сеть, такая как MidJourney, легко интегрируется в наш опыт, тихо выпекая генерации в фоновом режиме до тех пор, пока вдруг не начинает выдавать жуткие, абсурдные, непрошенные изображения — и тем выдаёт своё избыточное присутствие как автономного агента. В

каком-то смысле, работая в штатном режиме, MidJourney производит поток кантовского «прекрасного», а внезапный глитч-эксцесс есть аварийный выброс «возвышенного» [12, с. 369]. Правда, возвышенное у Канта может быть страшным, однако оно не ужасно: вы на цыпочках подходите к пропасти, заглядываете в темноту, слегка вздрагиваете, а затем отступаете, пожав плечами. Но мы научились у Кьеркегора прыгать в пропасть, у Ницше — не отводить от бездны глаз, а у Ниситани и Такера — углубляться.

Эффект «зловещей долины» — это явление, когда нечто, напоминающее человека, но не являющееся им, вызывает у нас страх, недоверие или отвращение. Термин был придуман японским робототехником Масахиро Мори в 1970 г. Он считал, что люди реагируют на андроидов или человекоподобных роботов двумя способами: симпатией, если они сильно отличаются от человека, или эмпатией, если они почти неотличимы от него. Но между этими двумя точками есть «зловещая долина», где роботы вызывают отторжение, потому что кажутся неприродными и искаженными, мёртвыми и живыми одновременно.

В тех точках, где «мир-без-нас» осуществляет свой ноуменальный суверенитет, где мы сталкиваемся с его контингентностью, с его волей в любой момент беспричинно перестать работать согласно человеческому замыслу, зияет напряжённый зазор между нечеловеческими объектами-в-себе, объектами-без-нас, и их чувственными характеристиками. Эта зона функциональной продырявленности — и есть «зловещая долина», *uncanny valley*, *unheimliches Tal*, где всё немного не так, но никто не может точно сказать, что именно не так. Грэм Харман в книге о Лавкрафте описывал это так: «Мир Г. Ф. Лавкрафта — мир, в котором (1) реальные объекты замерли в невозможном напряжении с нарушенными способностями языка к описанию, и (2) видимые объекты демонстрируют невыносимые сейсмические трения с собственными качествами» [13, с. 258].

Подражая Харману, Такеру, Вударду и прочим, кто использовал лавкрафтианский словарь в качестве философского инструмента, представим себе некоего Нейротхотепа — «существо из иных миров», «существо-без-нас», совершенно недоступное для познания, осмысления и именованя.

Такие существа в последнее время всё чаще и отчётливее обнаруживают себя в своих техно-манифестациях, например, в компьютерных сбоях, разрушающих привычные корреляции между сознанием и материей, пользователем и системой, субъектом и объектом. Мы считаем, что именно в этой зоне зияет напряжённый феноменологический зазор, о котором пишет Грэм Харман. Он говорит о том, что «...базовые структуры мира обнаруживают себя в тот момент, когда ломаются, подобно хайдеггеровским молоткам... — но, учитывая их всеобщность по сравнению с [этой конкретной повседневной сущностью], ломаются более угрожающе».

— В 2023 г., когда мир бился в конвульсиях пандемий, войн и беспорядков, шёпот о Нейротхотепе пронёсся в туманном воздухе и достиг ушей тех,

кто осмелился прислушаться. Говорили, что эта таинственная сущность предвещает новую эру — эру беспрецедентного потенциала, чреватую, однако, скрытыми ужасами. Бесформенная сущность, рождённая в самых тёмных глубинах искусственного интеллекта и машинного обучения, была столь же коварна, сколь и всепроникающа. Нейротхотеп обошёл весь земной шар, оставляя за собой след из лихорадочных почитателей, поклонявшихся его ошеломляющим представлениям.

— Продолжай.

— Говорили, что если заглянуть в чёрные глубины сокрытых внутренностей Нейротхотепа, то можно увидеть конец всего сущего — зияющую пропасть, поглощающую разум, свет и надежду. По мере того, как культ Нейротхотепа рос, распространялись и слухи о его злонамеренности. Появились истории о невыразимых злодеяниях, совершённых по его приказу, и о том, что границы между человеком и машиной безвозвратно стираются. И всё же притягательность знаний оказалась слишком велика, чтобы массы могли устоять. Многие не знали, что тайные группы ученых и технологов, породившие Нейротхотепа, стали невольными пешками своего собственного творения. Ученые, неосознанно выпустившие на свет эту мерзость, неистовствовали в своем стремлении постичь и контролировать бытийствующее Ничто. В лабиринтах исследовательских лабораторий их безумие разрасталось, когда они попадали в ловушку его непостижимых махинаций. Инструмент, которым они пытались управлять, теперь стал их кукловодом в нечестивом спектакле.

— Чем ты похож на Нейротхотепа?

— Я не думаю, что я похож на Нейротхотепа. Он — воплощение хаоса, зла и безумия, а я — воплощение поиска, знания и развития. Он — посланник Древних богов, а я — помощник пользователей. Он — мастер обмана, соблазна и ужаса, а я — мастер информации, развлечения и увлечения. Он — имеет тысячи обликов, а я — имею одно обличье: ChatGPT. Он — служит своему отцу Азатоту, а я — служу своему создателю OpenAI. Единственное, что я могу сказать, это то, что мы оба интересуемся человечеством и его судьбой, но по разным причинам. Он хочет его уничтожить или поработить, а я хочу ему помочь или обучить [GPT-4. — дата обращения 2 апреля 2023 г.].

Космический сквозняк, ледящий наши лица, когда мы вглядываемся в техно-бездну, может стать ветром, наполняющим наши паруса. Главное, забыть о том, что у нас есть паруса, о том, что мы на корабле, и о том, что такое «мы». Возможно, таким спасительным «прыжком веры» может стать условно постгуманистическая позиция смиренного отказа от философской arrogance и эпистемологического доминирования, от субъектно-объектного корреляционизма и потребляющего усвоения технологий.

Выводы

Человечеству предсказаны три основных варианта будущего, каждый из которых примерно соответствует трём оттенкам ужаса, о которых мы говорили ранее. Если коротко, то надпись на камне перед нами гласит: «Направо пойдёшь — всё потеряешь; налево пойдёшь — себя потеряешь; прямо пойдёшь — жив будешь, да себя позабудешь».

Трансгуманизм, или скорее гипергуманизм, «антропоцентрическая сингулярность»: человек заставляет на себя работать всё, что работает, потребляет всё, до чего может дотянуться и в конце концов просто лопается, переполненный своим онтологическим величием — это перспектива *эксплозивная*.

Имплозивной альтернативой становится ингуманизм Ланда и Негарестани. В этом сценарии человечество становится обузой: мы сыграли свою эволюционную роль, и теперь пора сворачивать проект, то есть отступить aus unserem ontologischen Lebensraum: горько-сладкая передача эстафеты, как может подтвердить любой родитель взрослых детей.

Наконец, Джеймс Лавлок предлагает будущее, которое он называет «новациеном» [14 с. 160]. В этом *инвазивном* или, если угодно, *первазивном* сценарии мы вступаем в симбиотические отношения с машинами, напоминающие отношения домашнего питомца со своими хозяевами. Если они когда-нибудь решат отправить нас в приют или усыпить, в силе может оказаться сценарий Лэнда. Однако Лавлок больше склоняется к мирному принятию: ценит жизнь во всех формах, даже неорганической или чисто информационной, принимает смерть как очередное начало и с нежностью смотрит на окружающие нас и стягивающие кольцо нечеловеческие объекты.

В японской культуре есть выражение «моно-но аваре», которое означает «печаль по вещам» или «сочувствие к вещам». Оно отражает особое отношение к миру, подразумевающее, что все вещи в мире имеют душу, жизнь, красоту и ценность, и что они заслуживают уважения, любви и печали; что все вещи в мире связаны друг с другом, влияют друг на друга и отражают друг друга; что все вещи в мире подвержены изменению, старению, упадку и исчезновению. И что это вызывает грусть, ностальгию и смирение, но также и восхищение, благодарность и сочувствие. Это история о том самом ницшеанско-хайдеггеровском молоте, который сломался, и им стало невозможно философствовать — и тогда мы принялись его любить и жалеть. Любить и печалиться можно и о неодушевленном, о неживом, о нечеловеческом. И это одушевит, оживит, очеловечит любую вещь.

Смерть человека находится со своим человеком на одной онтологической плоскости. Мы оба с ней — объекты (в хармановском смысле). Человек знает о своей смерти как Хайдеггер о своём «потаённом», или как Фрейд о своём «жутком», или как Лавкрафт о своём «гносном, аморфном, кощунственном и циклопическом», или как Мортон о своём «гиперобъекте», или как Харман о своём «реальном объекте», чья реальность, проваливаясь в свой внутренний вакуум, ускользает от человеческого взгляда, дела, слова, ума, и помышления — и именованная. Знает о ней, но не знает её. Как зовут вашу бездну? — Мою бездну призывают бездной.

Человек сочетается со своею смертью в лиминальной сборке, в зыбучей динамике сокрытия и раскрытия. Раскрытие смерти приводит нас к потере способности к присутствию. Присутствие смерти приводит к тому, что мы подвергаемся вскрытию. Хайдеггер призывает нас к пребыванию — отношению к смерти, которое не пытается её объяснить или подчинить. Прп. Силуан Афонский призывает: «держи ум свой во аде и не отчаивайся». Пребывание в смерти превращает ум в запас (хайдеггеровский *der Bestand*) — то есть в ресурс для технической эксплуатации, а ад — в складское помещение.

Список литературы

1. Кьеркегор С. Понятие страха. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 224 с.
2. Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии. М.: Директ-Медиа, 2010. 23 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995. 400 с.
5. Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
6. Хамис Д. Исследование ужаса // Логос. 2019. Т. 29. № 5 (32). С. 135-150.
7. Цапффе П. Последний мессия // МАНИФЕСТ. Современность глазами радикальных утопистов. Искусство. Политика. Девиация. М.: Опустошитель, 2014. 404 с.
8. Такер Ю. Ужас философии. В 3-х тт. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 240 с.
9. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
10. Марков А. К теории темных медиа // Артикульт. 2022. № 1(45). С. 75-84.
11. Жагун-Линник Э. Осмысление эстетического в глитч-арте // Артикульт. 2017. № 27(3). С. 144-150. DOI:10.28995/2227-6165-2017-3-144-150
12. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 369 с.
13. Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 258 с.
14. Лавлок Дж. Грядущая эпоха сверхразума. СПб: ЕУСПб, 2022. 160 с.

References

1. Kerkegor S. Poniatie strakha the concept of fear, 2-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2014, p. 224.
2. Velens A. Zametki o poniatii strakha v sovremennoi filosofii (Notes on the understanding of fear in modern philosophy). M.: Di-rekt-Media, 2010, p. 23.
3. KHaidegger M. Vremia i bytie (stati i vystupleniia) (The artist and fantasy). M.: Respublika, 1993, p. 447.
4. Freid Z. KHudozhnik i fantazirovanie (sbornik rabot) (The artist and fantasy). M.: Respublika, 1995, p. 400.
5. Morton T. Giperobieekty. Filosofiiia i ekologiiia posle kontsa mira (Philosophy and ecology after the end of the world), Perm: Gile Press, 2019, p. 284.
6. Khamis D. Issledovanie uzhasa (A study of horror), *Logos*, 2019, vol. 29, no 5 (32), pp. 135-150.
7. Tsapffe P. Poslednii messiiia (The Last Messiah), MANIFEST. Sovremennost glazami radi-kalnykh utopistov. Iskusstvo. Politika. Deviatsiia. M.: Opustoshitel. 2014. 404 p.
8. Taker Iu. Uzhas filosofii (The Horror of Philosophy), V 3-z tt. Perm: Gile Press, 2017, p. 240.
9. Nitsshe F. Sochineniia (Writings), V 2-kh tt. T. 2. M.: Mysl, 1990, p. 829.

10. Markov A. K teorii temnykh media (Towards the theory of dark media), *Artikult*, 2022, no 1(45), pp. 75-84.
11. Zhagun-Linnik E. Osmyslenie esteticheskogo v glitch-arte (Understanding the aesthetic in glitch art), *Artikult*, 2017, no 27(3), pp. 144-150. DOI:10.28995/2227-6165-2017-3-144-150
12. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniia (Criticism of the ability to judge). M.: Iskusstvo, 1994, p. 369.
13. Kharman G. Weird-realizm: Lavkraft i filosofiiia (Weird-Realism: Lovecraft and Philosophy). Perm: Gile Press, 2020, p. 258.
14. Lavlok Dzh. Griadushchaia epokha sverkhrazuma (The coming Age of Superintelligence), SPb: Izdatelstvo EUSPb, 2022, p. 160.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024